

Р. А. Соколов

ПОБРАТИМСТВО РУССКИХ КНЯЗЕЙ И МОНГОЛОВ: ДАННЫЕ ИСТОЧНИКОВ И ЭТНОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ*

Наверное, не будет слишком большим преувеличением утверждение о том, что феномен Гумилева-ученого представляет собой совершенно уникальное явление в современном общественном сознании. Действительно, имя его знакомо очень широкому кругу людей, а взгляды исследователя и по сей день активно обсуждаются. Этому вовсе не мешает то, что область научных штудий Льва Николаевича была все же достаточно специфической и на первый взгляд весьма далекой от повседневных интеллектуальных запросов неподготовленного читателя. Тем более наследие историка оказалось востребованным в среде специалистов. При этом слово «востребованное», разумеется, вовсе не означает полного и безоговорочного признания истинности тех или иных предложенных ученым выводов, дискуссии вокруг которых не утихают.

Хотелось бы обратить внимание и еще на один любопытный факт. Простое прикосновение Л. Н. Гумилева к некоторым проблемам истории, мысль или идея, высказанные как бы «на ходу», иногда приводили к тому, что внимание историков оказывалось надолго прикованным именно к этой версии. Речь в данном случае идет не только о таких глобальных вопросах, как, скажем, теория этногенеза, масштабность которой очень легко объясняет не снижающийся интерес к ней, Л. Н. Гумилев

* Статья подготовлена при поддержке проекта «Проблемы исторического регионоведения: история, этнология, археология» Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы (мероприятие 1.4). Государственный контракт № 14.740.11.1391 от 19 октября 2011.

мог открыть оживленную полемику и в отношении гораздо более локальных моментов.

Прекрасным подтверждением этому может служить гипотеза Л. Н. Гумилева о побратимстве князя Александра Ярославича Невского и правнука Чингиз-хана Сартака. Данное предположение ученого немедленно стало предметом активного обсуждения в научной среде. Дополнительный стимул для этого — сама личность Александра Невского, фигура, безусловно, знаковая в истории России, наш национальный герой.

В двух словах напомним суть дела. Начало 50-х годов XIII в. На Руси еще совсем недавно была установлена ордынская зависимость. На Северо-Востоке одновременно находятся два великих князя, право которых на их столы было утверждено в далеком Каракоруме: старший сын Ярослава Александр, уже успевший обессмертить свое имя победами над шведами и немцами, правил в Новгороде; а младший — Андрей — во Владимире. Второй из них вынашивал проекты борьбы с монголами, для этого он примкнул к антиатарской коалиции, главой которой был Даниил Галицкий.

Однако в 1252 г. на амбициозных антиордынских планах русских князей был поставлен крест: нападение отряда под началом темника Неврюя заставило отказаться от бесперспективных попыток ликвидировать зависимость. Андрей вынужден был бежать в Швецию, а Александр Невский сосредоточил в своих руках великокняжескую власть. Сделать это ему позволил очередной визит в Орду¹.

Говоря об этих событиях, Л. Н. Гумилев указывал, что Андрей Ярославич готовил союз с Европой против монголов, не понимая катастрофических последствий этого шага, «золотой венец Даниила ослепил его». В противоположность этому, Александр «великолепно разбирался в этнополитической обстановке, и он спас Россию». Далее ученый сделал то самое предположение, о котором, собственно, и пойдет речь в настоящем сообщении. «В 1251 г. Александр приехал в орду Батыея, подружился, а потом побратался с его сыном Сартаком...»².

Многие специалисты скептически отнеслись к приведенной выше версии. Особенно критично рассмотрел ее В. Л. Егоров. В двух статьях, посвященных взаимоотношениям Ярославича с ордынскими правителями, исследователь внимательно проанализировал гипотезу и пришел к выводу о ее полной несостоятельности. По его мнению, она неверна уже хотя бы потому, что Александр как православный человек не мог участвовать в обряде братания, во время которого смешивалась кровь братающихся в чаше с кумысом, а затем содержимое совместно выпивалось. В связи с этим побратимство русского князя и Чингизида исследователь посчитал возможным назвать «чистым домыслом»³.

Однако после знакомства с выводами В. Л. Егорова остается все же ощущение некоторой недосказанности. Ведь даже церковные историки не видели чего-то кощунственного в построениях Л. Н. Гумилева относительно возможного побратимства князя с Сартаком. Митрополит Иоанн (Снычев) в своей книге «Самодержавие духа» привел этот факт, и из текста ясно, что, с точки зрения современного иерарха-историка, ничего предосудительного в нем нет⁴. Да и светские ученые не выступили в данном случае против Гумилева «единым фронтом»⁵.

Особо обращает на себя внимание то, что в данном случае В. Л. Егоров свел воедино две проблемы: побратимство Сартака и Александра, то есть событие очень конкретное, и саму возможность побратимства князя и Чингизида. В первом случае, конечно, из-за отсутствия подтверждений данного факта в источниках имеются определенные основания для сомнений, но во втором случае уже возможно высказать возражения и самому В. Л. Егорову.

Действительно, в древности вступление в отношения побратимства в православной традиции не выглядело отступничеством и не являлось им по своей сути. А. А. Ткаченко дает следующее определение братотворению: «средневековый обряд церковного благословения двух христиан, не состоящих в кровном родстве, но стремящихся к тесному духовному общению и братской взаимопомощи в мирских делах. Появился в результате синтеза древнего обычая побратимства, известного у многих народов, и христианской практики вступления в “духовное родство”, возникшей еще в первые века [новой эры]...»⁶.

Имеются ли подтверждения существования практики побратимства на Руси в «ордынскую» эпоху? На этот вопрос следует дать утвердительный ответ. Речь идет о памятнике агиографического жанра — «Повести о Петре, царевиче Ордынском». В ней можно найти сообщение о братании отпрыска царского монгольского рода с одним из ростовских князей, совершенном в церкви епископом. «И только любляше князь Петра, яко и хлеба без него не яст, яко владыце братати их в церкви с князем. И прозвася Петр братом князю»⁷.

Анализ других источников показывает, что братание вовсе не пришло на Русь с монголами, оно было известно намного раньше. Корни его возможно отыскать еще в дохристианских временах. Многочисленные примеры подобного рода содержатся в русском эпосе — былинах⁸. Сведения о нем находим и в Киевское время. Так, в Киево-Печерском патерике читаем о дьяконе Тите и попе Евагрии, что они «два брата бяста по духу...»⁹. Там же сообщается о неких Сергии и Иване, которые «приидоста въ церковь богонареченную, и ведеста свет, паче солнца, на иконе чюдней Богородичине, и въ духовное братство приидоста»¹⁰.

Сын второго из них, высказывая после смерти отца права на наследство, хранителем которого был Сергей, призывал своего названного дядю дать клятву в собственной добросовестности у той самой иконы: «Клени ми ся в церкви Печерской перед чудною иконою Богородничиноу, идеже братство взя со отцем моим»¹¹. Еще о двух братьях рассказывает «Слово о блаженном Марце Печернице» из того же патерика: «Духовнаа брата беста в томъ же велицемъ монастыри Печерскомъ, сопряжена любовию сердечною от уности, единоумие имуще и едину волю», одного из них звали Феофил¹².

Нарушение обязательств к названному брату заслуживало жестокой кары, как это видно из повествования патерика: Евагрий за нежелание простить Тита был наказан смертью, Сергей за обман сына Иоанна — временным параличом. Только раскаяние в высокомерии к умершему брату спасло от немедленной смерти упомянутого выше Феофила¹³. Такие данные вполне соотносятся с мнением М. М. Громыко, которая, основываясь на анализе былинных текстов и этнографического материала, пришла к выводу о прочности в народном сознании уз побратимства, которые представлялись даже более важными, чем кровно-родственная связь¹⁴. «В России братотворение согласовывалось с народным духом. Русские любили братство»¹⁵. Это подтверждается и тем, что, несмотря на запрещение в силу ряда причин совершения церковного чина братотворения в XVII в.¹⁶, подобная организация отношений индивидов продолжала существовать в России вплоть до XIX в. (разумеется, уже без всякого церковного чина): братались те, кому нужна была твердая уверенность в помощи товарища, — бурлаки, казаки, а иногда и крестьяне, причем, это явление фиксировалось в разных губерниях¹⁷.

Все вышеизложенное вполне соответствует представлениям о священности побратимства у монголов. В «Сокровенном сказании» говорится: «Закон побратимства состоит в том, что анды, названные братья, — как одна душа: никогда не оставляя, спасают друг друга в смертельной опасности»¹⁸.

Следовательно, было возможным вступление в братство православного князя с монголом, делалось это совсем не обязательно по монгольскому «сценарию» с питьем кумыса, смешанного с кровью. Братство могло быть духовным, оно налагало серьезные обязанности и заключалось вполне по-православному.

Православное христианство являлось важным этноконсолидирующим фактором древнерусского общества (это свойство оно сохраняло вплоть до XX в.¹⁹, а в какой-то мере и до сей поры), а значит, крестившийся татарин утрачивал свое *главное* отличие и становился для наших предков «своим».

Православие, как мы видели, вовсе не противоречило участию в обряде братания, и это, действительно, придает несколько больший вес предположению Л. Н. Гумилева (тем более что Сартак, вероятно, был христианином²⁰). Но при этом необходимо подчеркнуть, что мы не хотим поставить под сомнение утверждение В. Л. Егорова о недостаточной обоснованности *выводов относительно конкретного события* — братания Сартака и Александра Невского. В то же время, нам представляется недопустимым отрицать саму *возможность* побратимства монгола и русского, ведь оно, хотя и заключалось с помощью разных обрядов, было известно и татарам, и русским, в представлениях и тех и других налагало одинаково серьезные обязанности на побратимов. А потому ставший христианином монгол вполне мог исполнить этот ритуал, как было принято на Руси.

¹ ПСРЛ. Т. 1: Лаврентьевская летопись. М., 1997. Стб. 473.

² Гумилев Л. Н. Древняя Русь и великая Степь. М., 1992. С. 361.

³ Егоров В. Л. 1) Александр Невский и Золотая Орда // Александр Невский и история России: Материалы науч.-практ. конф. 26–28 сентября 1995 г. Новгород, 1995. С. 52; 2) Александр Невский и Чингизиды // Отечественная история. 1997. № 2. С. 52.

⁴ Иоанн, высокопреосвященнейший митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский. Самодержавие духа: Очерки Русского самосознания. СПб., 1994. С. 87.

⁵ Например, эти события считает возможными Ю. В. Кривошеев (*Кривошеев Ю. В.* 1) О средневековой русской государственности: (К постановке вопроса). СПб., 1995. С. 34; 2) Русь и монголы: Исследование по истории Северо-Восточной Руси XI–XIV вв. СПб., 1999. С. 240).

⁶ Ткаченко А. А. Братотворение // Режим доступа: <http://golubinski.ru/ecclesia/bratotvorenie.htm>. — Подробно о церковном чине братотворения, а также библиографию проблемы см.: Там же.

⁷ Повесть о Петре, царевиче Ордынском // Древнерусские предания (XI–XVI вв.). М., 1982. С. 147. — На братание Петра и Ростовского князя обращал внимание еще А. Н. Веселовский (*Веселовский А. Н.* Гетеризм, побратимство и кумовство в купальной обрядности: (Хронологические гипотезы) // Журнал Министерства народного просвещения. 1894. Ч. 291. С. 306).

⁸ Громыко М. М. Обычай побратимства в былинах // Фольклор и этнография. У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов: Сб. научных трудов / Под ред. Б. Н. Путилова. Л., 1984. С. 116–121.

⁹ Киево-Печерский патерик // Древнерусские патерики. Киево-Печерский патерик. Волоколамский патерик. М., 1999. С. 35.

¹⁰ Там же. С. 16.

¹¹ Там же. С. 17.

¹² Там же. С. 58.

- ¹³ Киево-Печерский патерик. С. 35, 17, 59–60.
- ¹⁴ *Громыко М. М.* Обычай побратимства в былинах. С. 119.
- ¹⁵ *Никольский К., протоиерей.* О службах Русской Церкви, бывших в прежних печатных богослужебных книгах. СПб., 1895. С. 371.
- ¹⁶ О причинах запрета на совершение обряда см. подробно: Там же. С. 376–379.
- ¹⁷ *Громыко М. М.* Обычай побратимства в былинах. С. 123.
- ¹⁸ Цит. по: *Кривошеев Ю. В.* Русь и монголы. С. 240.
- ¹⁹ *Беляев И. Д.* История русского законодательства. СПб., 1999. С. 159.
- ²⁰ См.: Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды / Извлечения из персидских источников, собранные В. Г. Тизенгаузеном. М.; Л., 1941. Т. II. С. 19, 22.